

Евгений Добренко

Советская многонациональная литература как имперский проект и как вызов империи

Evgeny Dobrenko

Soviet Multinational Literature as an Imperial Project and as a Challenge to the Empire

Евгений Добренко (Университет Венеции Ca' Foscari, профессор; PhD) evgeny.dobrenko@unive.it

Evgeny Dobrenko (PhD; Professor, Ca' Foscari University of Venice) evgeny.dobrenko@unive.it

Ключевые слова: советская многонациональная литература, национальное своеобразие литературы, литературоцентризм, Союз писателей СССР, имперские практики, национализм

Key words: Soviet multinational literature, national specificity of literature, literary-centrism, Union of Writers of the USSR, imperial practices, nationalism

УДК: 82.091

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_245

UDC: 82.091

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_245

Советская многонациональная литература была имперским проектом. Однако институционально, идеологически и эстетически она произвела не- и даже антиимперское пространство. Оно складывалось как побочный продукт, но оказалось едва ли не единственной доступной площадкой и доменом для формирования национального сознания на имперских окраинах. Если в республиках культивировался антиколониальный национальный дискурс, то в Москве официально транслировался и поддерживался интернационалистский дискурс, где доминировали идеи национального разнообразия, «взаимодействия и взаимообогащения». В статье рассматриваются эти процессы на уровне институций, оформляющего их дискурса и порождаемых ими эстетических практик.

Soviet multinational literature was an imperial project. However, institutionally, ideologically, and aesthetically, it produced a non- and even anti-imperial space. It developed as a byproduct but turned out to be perhaps the only available platform and domain for the formation of national consciousness on the imperial outskirts of the USSR. If an anti-colonial national discourse was cultivated in the Soviet republics, then in Moscow an internationalist discourse was officially transmitted and supported, dominated by the ideas of national diversity, "interaction and mutual enrichment." The article examines these processes at the level of institutions, the discourse that shaped them and the aesthetic practices they generated.

Много лет я работаю над книгой «Империя слов: советская многонациональная литература и имперское воображаемое». Проект этот изначально возник как сугубо историко-литературный. Мне хотелось понять, как сформировался и работал этот уникальный продукт имперского культурного строительства. Хотя число работ о национальных литературах в советскую эпоху растет с каждым днем, почти все они строятся в жанре, который я называю национальным плачем: это история расцвета после революции и гибели национальных литератур в сталинскую эпоху.

У этого печального нарратива есть полное право на доминирование. На Украине, например, целая генерация уничтоженных поэтов и писателей называется «расстрелянным возрождением». В Белоруссии была своя «ночь рас-

стрелянных поэтов». Масштабы этих репрессий были беспрецедентными, а потери национальных культур — невосполнимыми. Достаточно сказать, что до 1940 года были репрессированы свыше 60% членов Союза писателей БССР состава 1935 года — 238 человек. Из них выжили лишь 20 человек (8,4%). Своя печальная история у каждой из национальных литератур. Некоторые, в особенности те, что не имели республиканской аффилиации, уничтожались под корень. Причем не только в эпоху Большого террора, но и после войны. Достаточно упомянуть о судьбе ингушской, чеченской, карачаевской, калмыцкой, балкарской, крымскотатарской и других литератур депортированных народов. Причем это продолжалось вплоть до самой смерти Сталина. Упомяну в этой связи об уничтожении еврейской литературы в СССР, кульминацией чего стал расстрел практически всех крупнейших советских еврейских поэтов и писателей — членов Еврейского антифашистского комитета. 12 августа 1952 года вошло в еврейскую историю как «ночь казненных поэтов».

Эти национальные плачи — истории «расстрелянных возрождений», «ночей казненных поэтов», русификации, унификации, распыления и гибели национальных литератур, а затем робкого пробуждения и прозябания чахлах ростков когда-то многообещающих цветений. Я точно знал, чего я не хотел бы делать, — это транспонировать эти истории, писать симфонию из разных версий национальных плачей о погублении национальных литератур. Я искал драмы в этих схожих в своем печальном однообразии нарративах, пока не понял, что она лежит на поверхности. И тогда многое прояснилось.

Главный вопрос в истории советской многонациональной литературы состоит в необходимости понять, благодаря чему из этих растоптанных и разрушенных иногда буквально до основания национальных литератур и построенных на их руинах мертворожденных соцреалистических големов в эпоху хрущевско-брежневской нормализации советская многонациональная литература смогла расцвести неожиданным многообразием. Упомяну грузинский философский роман Отара Чиладзе, Чабуа Амирэджиби, Нодара Думбадзе, белорусскую прозу о войне, украинский химерный роман Олександра Ильченко, Василя Земляка, Володимира Яворивського, Романа Федорива, Василя Шевчука, Павла Загребельного, Евгена Гуцало, эстонский экспериментальный роман Пауля Куусберга, Лилли Промет, Энна Ветемаа, Владимира и Эмэ Бээкманов, Яана Кросса, литовский роман внутреннего монолога Миколаса Слуцкиса и Альфонсаса Беляускаса, Витаутаса Бубниса и Йонаса Авижюса, прозу Айтматова и Василя Быкова, поэзию Кайсына Кулиева и Юстинаса Марцинкявичюса...

Совершенно неожиданное появление первоклассной литературы на руинах национальных литератур может быть понято как результат перемен, происшедших после смерти Сталина, которые резко и до неузнаваемости изменили облик этих литератур и их статус в общей структуре советской литературы.

Советская многонациональная литература изначально была вполне имперским проектом. Однако институционально, идеологически и эстетически она произвела не- и даже антиимперское пространство. Оно складывалось на протяжении всей советской истории в качестве непредвиденного побочного продукта, но оказалось едва ли не единственной доступной площадкой и основным источником для формирования национального сознания на имперских окраинах СССР. Причем речь идет не о национальных, но именно о «все-союзных» площадках. Дело в том, что именно в республиках цензурное и

политическое давление всегда было намного более жестким, чем в Москве, поскольку борьба с национализмом была для республиканского партийно-государственного руководства безусловным приоритетом, основным показателем политической и идеологической лояльности. Как говорили в Украине, «когда в Москве режут ногти, в Киеве рубят пальцы», чему история советской многонациональной литературы дает немало примеров.

Советский период в истории народов российских национальных окраин был чрезвычайно важным, а для многих и формативным в том, что касается их национального сознания. Давид Самойлов пронизательно писал о Хрущеве, что тот не знал, что делать с властью, поскольку «не имел собственной экономической и политической программы и идеологии», но в результате его действий

принудительное единство сталинских официальных идей рухнуло. Должны были родиться новые идеи, отвечающие реальным интересам разных общественных групп. Они и рождались — как справа, так и слева. Они рождались более четкими, реальными и откровенными, чем когда-либо. Хрущев заполнял паузу. Он был наседкой, сидящей на яйцах неведомых птиц. Как только вылупились птенцы, они прежде всего начали клевать наседку¹.

Среди этих неведомых птиц были и национальные литературы, в которых аккумуляровалось национальное самосознание народов, населявших советские имперские окраины.

Политические реформы нередко имеют побочный эффект, который способен убить пациента. Именно это случилось с советским имперским проектом. Его природа была внутренне глубоко дихотомичной, чем определялась его специфика. Советское многонациональное государство создавалось на своеобразном контракте с национальными элитами, от поддержки которых изначально зависела легитимность советского режима. Условия этого контракта я сформулировал бы в виде простой формулы — литература взамен суверенитета: вы отказываетесь от национального суверенитета, а взамен получаете национально-культурное строительство. Иначе говоря, вместо институтов национального государственности вы получаете национальные союзы писателей. В этом была своя логика: государство создается быстрее, чем нация, поскольку государство — это институции, а нация — это еще и сфера политического воображаемого, в создании которого литература играет ключевую роль. При этом настоящей целью этих литератур было невозникновение наций. Если учитывать, что литература была в России одной из наиболее успешных и эффективных институций, она позволила создать не настоящие, но литературные нации. Литература стала своего рода мерой измерения их суверенитета.

Это объясняет всеми отмечаемый парадокс советского национального строительства: Советское государство стремилось к «расцвету» наций и одновременно их уничтожению. Репрессии были прямым следствием этого процесса, механизмом регулирования, поскольку национальное всегда стремится к уникальности, а имперское — к универсальности. Таким образом, советизация национальных литератур оказывается задачей не менее важной, чем самое создание этих литератур.

1 Самойлов Д. Памятные записки. М.: Международные отношения, 1995. С. 360—361.

Была и еще одна причина для культивирования национальных литератур: они призваны были дереализовывать и стирать реальный национальный опыт советских народов. Что сталинизм действительно дал так называемым советским нациям, так это не столько национальные элиты, которые были насквозь советскими и не имели никаких реальных национальных устремлений в стране, где нации были фикциями, не столько «кадры» интеллигенции, сколько реальный и страшный общий опыт. Сталинизм дал нациям прошлое, которое начало сворачиваться в историю. Из переработки этого опыта рождались национальные литературы (там, где для них созрела культурная почва).

Вместо вымышленных для новых наций историй в первой половине XX века сталинизм дал советским нациям переживание собственного рождения и становления в качестве основной травмы. Через Гражданскую и Отечественную войны, коллективизацию, террор (а теперь, уже вдогонку, еще и через постсоветские войны). Они-то и стали материалом литератур, на которых формировалась завязь будущих наций. Это — ключ к постсталинским литературам. Через этот страшный опыт открылось и их прошлое, которое начало обретать форму литературного нарратива, организуемого в соответствии с национальными и общесоветскими (поскольку это был и общесоветский опыт!) традициями. Революция, террор, война, деревня, история, постсоветская борьба, а где и война, за свои суверенитет и политическое будущее.

Советские национальные литературы позиционировались как колыбель «социалистических наций», хотя они изначально были пригодны не для национального строительства, но скорее для его симуляции. Однако, создавая субъектов империи, они выгалкивали подлежащий переработке этот общий опыт, чем уничтожали общую акустику, стимулируя национальный партикуляризм и неимперское пространство.

Советская литература была не «национальной по форме», но этнической. В строгом смысле она была не многонациональной, но многоэтнической. Ее задача была в том, чтобы *не позволить этносу стать нацией*. Движение к имперскому универсализму предполагает этнический партикуляризм в виде поддержки этнических стилей, традиций, фольклора, различных форм «национальной культуры» и т.п. Иными словами, эта империя сама порождает неимперское пространство.

Поэтому таким же двойственным оставалось и российско-советское сознание, страдавшее от феномена, который можно было бы обозначить как *имперская шизофрения*. Российско-советская имперскость — композитный феномен. Притом что русский этнический национализм основан, как и любой национализм, на разных формах ксенофобии и откровенном презрении к «нацменам», специфика его в том, что своим основным содержанием он имеет прославление не только собственной цивилизаторской миссии, но именно «всемирной отзывчивости».

Поэтому даже в сталинскую эпоху советская многонациональная литература порождала анклав неимперскости в самых, казалось бы, неожиданных местах. Так, в 1946 году Исая Берлин остроумно заметил, что чрезвычайно высокий уровень перевода в СССР

вызван, конечно, не только тем, что это — почтенный способ уклониться от политически опасных высказываний; традицию переложения с чужих языков Россия, страна, долгое время интеллектуально зависевшая от иностранной литера-

туры, развила еще в XIX веке. В результате люди исключительной чуткости и литературных достоинств перевели великие классические произведения Запада, и халтурных переводов (как большинство версий русской литературы на английском) в России практически нет. Такая сосредоточенность на переводе — отчасти следствие повышенного внимания, уделяемого сейчас жизни окраинных регионов Советского Союза; поэтому политически выгодны переводы с таких модных языков, как украинский, грузинский, армянский, узбекский, таджикский. Некоторые из самых одаренных русских писателей делают это блестяще, улучшая тем самым добрососедские отношения между регионами. Возможно, это окажется значительным вкладом Сталина в развитие русской словесности [Berlin 2000: 58].

Но ровно это же можно сказать и про литературы других национальных республик. Индустрия переводов, которая была одним из ключевых институтов советской многонациональной литературы и в этом качестве служила формированию единого имперского культурного поля, одновременно формировала и прямо противоположное культурное пространство национального партикуляризма, что позволяет увидеть основную драму, основной сюжет имперского культурного строительства: каждая национальная литература стремится к уникальности, каждая заточена на партикуляризм, на самобытность, в которой нация раскрывает свою уникальность. Империя, напротив, стремится к тому, чтобы каждая культура была прозрачна, легко проницаема и готова к конвергенции. Имперское культурное строительство — это всегда переорганизация, перебалансировка этих полюсов. Высококачественные переводы становятся достоянием литературы, на язык которой они делаются.

Россия — литературоцентричная империя. С одной стороны, литературоцентризм характерен для культур, где отсутствует иная трибуна, кроме литературы, — нет ни сложившегося гражданского общества, ни демократических институтов, ни общественного представительства, ни свободы слова. В этих условиях вопросы политики, истории, философии, культуры, социальные и национальные вопросы и даже экономические могут обсуждаться главным образом (а порой — и только) через литературу как платформу и трибуну. С другой стороны, литературоцентризм характерен для субалтерных культур. В силу невидимости и угнетенности подчиненных групп они могут только через литературу поднимать и обсуждать вопросы своего политического статуса, национальной идентичности, истории, языка и культуры. В большинстве традиционных имперских культур действовал только второй фактор. В России сложилась уникальная ситуация — оба фактора оказались задействованными и находились в прямом и тесном взаимодействии. В обоих случаях литература выполняла важную компенсаторную функцию — давала маргинализированным слоям населения компенсацию за лишение их политического голоса.

В советское время влияние русской литературы на национальные литературы СССР было значительно и разнообразно и выходило далеко за пределы того, на что обычно обращают внимание — на внедрение в них конвенций русского эпического романа, толстовского психологизма, стилевого и тематического репертуара и институциональных форм, выработанных в русской литературной традиции. Было, однако, и куда более глубокое влияние на сам статус литературы и ее место в национальном сознании. Литературоцентризм, присущий русской и советской культуре, формировал писателя — учителя жизни и едва ли не отца нации. Статус национального поэта, хранителя национально-

го языка и традиции, пришедший из романтизма, расцвел на русской почве в XIX веке, в эпоху формирования русского национального сознания. Это сознание в условиях имперского строительства было пронизано имперскостью (русский универсализм, национальный мессианиззм, миссионерство в отношении других народов и т.д.). Но если в XIX веке оно оказывало лишь минимальное влияние на только формирующиеся у большинства народов Российской империи национальные литературы, то в советскую эпоху оно оказалось определяющим: как старые, так и новые литературы кроились и перекраивались по русскому литературному канону. В каждой из них воспроизводилась иерархия русского литературного канона с неперемной «вакансией поэта». В результате национальные писатели формировались как носители и выразители «национального духа», а сама романтическая традиция, отмиравшая в модернизме, оказалась законсервированной в воспроизводившей домодерную архаику советской литературной традиции и переданной ею по наследству всем литературам народов СССР.

Ирония состоит в том, что основанная на русской традиции советская литература сама сформировала в республиках ту национальную литературную среду, которая при первом же дуновении либеральных перемен отторгла от себя имперскую опалубку. Как только нации и народности СССР начали выходить из состояния советского анабиоза, именно в этой среде, в которой в формативный советский период зарождалось национальное самосознание, они нашли опору и возможности для выражения своих национальных устремлений.

В этом свете история советской многонациональной литературы — это и история того, в каких условиях формировались и развивались национальные литературы бывших советских окраин. А если иметь в виду, что именно в литературе формировались все основные параметры нации — кодифицировался национальный язык, вырабатывалось национальное историческое воображаемое, обретало плоть национальное самосознание, складывалась национальная мифология, укоренялся в массовом сознании общий взгляд на национальное прошлое и т.д., то речь идет, по сути, о предьстории постсоветских наций.

Наверное, наилучшим примером того, как возникало неимперское пространство в результате институционального укрепления имперских структур, было создание в 1958 году по инициативе Хрущева после его знаменитых встреч с интеллигенцией Союза писателей РСФСР. Непроговариваемая цель этого Союза состояла в том, чтобы укоротить влияние наиболее либеральной части московских писателей в так называемом «большом» Союзе. А одной из основных проговариваемых целей было то, что создание такого Союза позволит усилить позиции национальных литератур внутри РСФСР, чем была обеспечена поддержка ими этого начинания. Однако этот шаг имел обратный эффект — резко ускорил размежевание внутри Союза писателей (СП) СССР.

В сталинском СП СССР русские и национальные писатели находились вместе, а русских писателей было больше половины, что позволяло русской литературе всегда держать «контрольный пакет» внутри этой институции. Позиции извне просто не предполагалось. Сталин построил СП СССР так же, как он строил СССР: с демократическим декорумом, номинальной независимостью республиканских отделений, но фактически в качестве союзного министерства по делам литературы, управляемого Агитпропом ЦК. Теперь же из этого аморфного «большого» Союза выделился СП РСФСР, который изначально позиционировался как ортодоксальное противоядие против москов-

ских либералов. В итоге СП РСФСР стал центром так называемой русской партии, в руках которой оказались принадлежащие СП РСФСР газеты, такие как «Литературная Россия», журналы, такие как «Октябрь» и «Наш современник», а также множество провинциальных журналов от «Москвы» до «Дона», издательства, такие как «Советская Россия» и «Современник». Такая концентрация националистических сил в одном Союзе автоматически превратила другой («большой») Союз в интернационалистскую альтернативу. И в таком качестве их противостояние протекало в 1970—1980-е годы, вплоть до конца Советского Союза.

Именно в рамках «большого» Союза культивировался интернационалистский дискурс, поддерживались усилия по либерализации политико-эстетических оснований института советской многонациональной литературы. Ясно, что этот проект изначально был переложением модели горьковской «всемирной литературы» на «отдельно взятую страну». Но при его транспонировании произошла не просто редукция, но замена целей. Если социализм в одной стране должен был прийти на смену мировой революции, то на место пролетарского интернационализма должна была прийти «дружба народов». Так вместо горьковской «всемирной литературы» появилась «литература народов СССР». Ее окончательная инаугурация и институционализация произошли на Первом съезде советских писателей и совпали с началом «большого возврата» и поворота от классово-беспочвенности к имперскому патриотизму.

Тема эта неоднократно всплывала на Первом съезде писателей после того, как в «Правде» в середине 1934 года начали публиковаться первые статьи о Родине. Теперь подчеркивается новизна самого этого понятия:

В нашей революции пролетариат, освобождая себя, освобождает вместе с собой и все угнетенное человечество. Мы завоевали, мы создали себе великую и могучую родину, родину человечества. Родина! Еще семнадцать лет тому назад это было только лживым этимологическим понятием, орудием обмана и оглушения трудящихся. Сегодня это слово выражает в себе все, что рабочий класс и трудящийся крестьянин завоевал в революции. Это она, наша родина, соединяет многонациональное собрание писателей в одну семью².

Пройдет еще полтора десятилетия, и этот имперский дискурс станет еще более русоцентричным. В 1947 году критика так определяла место русской литературы в советской многонациональной литературе:

Прогрессивная русская литература — эта наша гордость, являющаяся богатейшей сокровищницей человеческой культуры, всегда стоявшая в авангарде развития общественной мысли в России, эта литература, поднятая на новую, небывалую высоту Великой Октябрьской социалистической революцией и вдохновленная гениальными идеями Ленина, творчески оплодотворила, призвала к жизни всю многонациональную литературу десятков народов, составляющих наш могучий великий Советский Союз, обогатила, развила ее, подняла ее в ряде случаев из небытия, помогла заблестать всеми многогранными, полнокровными, яркими цветами³.

2 Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет / Ред. И. Луппол, М. Розенталь, С. Третьяков. М.: ГИХЛ, 1934. С. 384.

3 Сулейман Стальский в критике и воспоминаниях: Сб. статей, очерков и заметок. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. С. 87.

Но уже к концу 1950-х годов эстетическая теория многонациональной советской литературы выглядела совсем иначе. В 1959 году прошло Всесоюзное совещание по вопросам социалистического реализма «Творческая практика и теоретическая мысль». В его ходе выяснилось, что в соцреализме есть, оказывается, национальные стили. И больше того, что «различные стили и формы литературы социалистического реализма реально существуют прежде всего в своем неповторимом национальном облике. Художественное богатство нашей литературы и начинается в первую очередь с богатства ее национальных красок» [Творческая практика 1959: 82] (Леонид Новиченко).

Теперь утверждалось, что помимо национальной формы существует еще и национальное содержание:

Советская культура, а следовательно, и литература как ее составная часть, — социалистическая по содержанию и национальная по форме. При этом, поскольку категория содержания в литературе ни в коем случае не является абстрактной, черты известной национальной определенности, национального своеобразия свойственны не только форме, но и содержанию литературного произведения [Там же] (Новиченко).

Выяснилось, далее, что национальные литературы не только учатся, но и имеют собственные «прогрессивные традиции», а если и учатся, то не только у русской литературы, но и у мировой:

Неправильно поступают критики, когда доказывают, что представители наших национальных советских литератур учатся только у русской литературы. Национальные писатели учатся не только у Пушкина и Толстого, но и у Бальзака и Шекспира, не только у Горького, Маяковского и Шолохова, но и у многих других представителей социалистической литературы у нас в стране за рубежом [Там же: 83] (Иззат Султанов).

Так, например, «татарская поэзия, испытав на себе влияние русской, западноевропейской и восточных литератур, создала в прошлом самые различные стилистические направления. Эти направления и явились основой стилистического развития советской татарской поэзии» [Там же: 84] (Роберт Бикмухаметов).

Более того, оказалось также, что эти традиции не только реалистические, но и те, что считались давно «отмершими»: фольклорно-условная, условно-риторическая и др. Последняя еще недавно была постоянным объектом критики. Накануне открытия Второго съезда писателей Николай Тихонов со страниц «Правды» учил поэтов Средней Азии, что

стих, которым так искусно владели выдающиеся поэты древности, — все эти сложные, изощренные ритмы, гиперболы, образы, игра внутренних рифм, чрезмерная пышность описаний, выпренность при изображении переживаний героев, — не может быть целиком перенесен в поэзию наших дней как продолжение поэтических традиций...⁴;

что «невозможно представить себе, что строитель Ферганского канала или крестьянин, Герой Социалистического Труда, изображены, как Фархад, а ком-

4 Тихонов Н. За новый подъем советской многонациональной литературы // Правда. 1954. 17 июля.

сомолка воспета в такой же манере, как легендарная Ширин»⁵. «Поэты Востока» осуждались за то, что

берут от прошлого одну патетику и насыщают этой патетикой свои стихи так густо, что современная тема завешивается как бы неким пестрым, тяжелым туманом, теряет видимые связи с действительностью... все еще находится в плену архаики, в плену устарелых, отживших форм...⁶

По словам Тихонова, у них есть стихи, «где восточная условная образность, пышность, велеречивость окутывают содержание, как облаком»⁷.

Спустя всего пять лет утверждалось нечто прямо противоположное. Оказалось, что

условно-риторический стиль оставил не только дурные традиции. Существовая на протяжении тысячелетий, он выработал немало непреходящих эстетических ценностей, покушаться на которые — означает поднимать руку на самое существо некоторых восточных литератур [Там же] (Бикмухаметов).

Еще более неортодоксальной стала прямая защита романтизма в национальных литературах:

В литературах украинской, азербайджанской, узбекской, армянской, грузинской, таджикской и некоторых других романтизм существовал не только как определенное историко-литературное направление. Романтизм в этих литературах составляет национальную стилевую тенденцию, которая неизменно сопутствует литературному развитию. Неразрывность романтической формы искусства с национальной литературной традицией, вернее, слитность романтической традиции и национального стиля придавали романтизму особое идейное и эстетическое содержание. В романтических красках, в романтической форме искусства светилась реальная жизнь [Там же: 85] (Георгий Ломидзе).

Иными словами, не только отстаивалась национальная специфика, но и оспаривался «реалистический» императив.

К началу 1970-х годов рассуждения о «своеобразии национальных литератур» приобрели повсеместный характер. Даже там, где раньше подчеркивалось исключительно «единство», теперь обнаружилось «многообразие», под которое подводилась необходимая историческая база и доминирующей становится концепция соцреализма как «исторической открытой эстетической системы» [Марков 1970].

Еще в 1954 году Тихонов предлагал национальным авторам чуть ли не отказаться от собственного фольклора ради учебы у русских классиков:

Вопрос о поэтическом наследстве и об использовании фольклора поэтами очень непрост. И здесь важнейшее значение имеет проблема освоения передовых традиций русской литературы. Мы можем видеть, какое богатство тем и образов черпали классики из народного творчества, как проникают традиции Горького и Маяковского в наши национальные литературы⁸.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же.

8 Тихонов Н. За новый подъем советской многонациональной литературы.

К началу 1970-х годов национальные традиции литератур Кавказа, Северного Кавказа и Средней Азии стали наконец возводить не столько к русской литературе, сколько к литературам Турции и Персии, что было совершенно немислимо в сталинское время [Юсуфов 1972: 332—333, 336].

Итак, именно в Москве начались процессы либерализации на уровне институций, оформляющего их эстетического дискурса и порождаемых ими художественных практик, которые формировали две прямо противоположные системы — имперскую и неимперскую (на национальных окраинах она неизбежно становилась антиимперской). Между ними произошло разделение функций. Если память о преступлениях империи против национальных культур хранилась в республиках, то антиимперский дискурс формировался именно в Москве, где для этого сложились условия. Если в республиках культивировался комплекс виктимности и, соответственно, антиколониальный национальный дискурс, где доминировали ресентимент, обида, скорбь, то в Москве на официальном уровне транслировался и поддерживался интернационалистский дискурс, где доминировали идеи национального разнообразия, «взаимодействия и взаимообогащения». Все это питало тот эксплозивный потенциал, который на волне либерализации привел к взрыву национализмов и распаду советской империи.

Библиография / References

- [Марков 1970] — *Марков Д.* Генезис социалистического реализма. Из опыта южнославянских и западнославянских литератур. М.: Наука, 1970.
- (*Markov D.* Genезis sotsialisticheskogo realizma. Iz opyta yuzhnoslavyanskikh i zapadnoslavyanskikh literatur. Moscow, 1970.)
- [Творческая практика 1959] — Творческая практика и теоретическая мысль (Всесоюзное совещание по вопросам социалистического реализма) // Вопросы литературы. 1959. № 6. С. 61—92.
- (*Tvorcheskaya praktika i teoreticheskaya mysl'* (Vsesoyuznoe soveshchanie po voprosam sotsialisticheskogo realizma) // *Voprosy literatury*. 1959. No. 6. P. 61—92.)
- [Юсуфов 1972] — *Юсуфов Р.Ф.* Расцвет национальных литератур и обогащение общесоветской художественной традиции // Единство, рожденное в борьбе и труде. Новая историческая общность людей — советский народ и литература социалистического реализма / Ред. В.В. Озеров, М.Н. Пархоменко, В.Р. Щербина. М.: Известия, 1972.
- (*Usufov R.F.* Rastsvet natsional'nykh literatur i obogashchenie obshchesovetskoy khudozhestvennoy traditsii // *Edinstvo, rozhdennoe v bor'be i trude*. Novaya istoricheskaya obshchnost' lyudey — sovetskiy narod i literatura sotsialisticheskogo realizma // Ed. by V.V. Ozerov, M.N. Parkhomenko, V.R. Shcherbina. Moscow, 1972.)
- [Berlin 2000] — *Berlin I.* The Arts in Russia under Stalin // *The New York Review*. 2000. October 19.